

Предисловие Сибиряки!

Однажды морозным утром в ноябре 1941 года Наталья Алексеевна Кравченко и ее сводная сестра Лина закопали в саду дачи картины своего отца. Николина Гора, поселок художников, расположенный в сорока километрах к западу от Кремля, оказался на линии фронта битвы за Москву. За несколько дней до этого столбы дыма, поднимавшиеся от соседней деревни, возвестили о приближении авангарда вермахта: он занимал позиции, готовясь нанести решающий удар по советской столице. Дача находилась на высоком лесистом берегу Москвы-реки, и медицинская служба Красной армии реквизировала ее под полевой госпиталь ввиду предстоящего сражения. Сестрам приказали немедленно уезжать, и они, сложив второпях картины отца и дореволюционное столовое серебро в большой сундук, зарыли его в яме на крутом берегу реки. Вряд ли можно было рассчитывать, что горстка советских солдат, рывших окопы на краю деревни, сможет надолго задержать мощное наступление немцев. Наталья думала, что в последний раз ночует в просторном деревенском доме, который построил ее отец.

Перед самым рассветом Наталью разбудил какой-то рокот. Натянув полушубок и сунув ноги в валенки, она пошла к калитке, чтобы узнать, в чем дело. У обочины, укутав-

шись в армейские шинели, сотни советских солдат пытались урвать в сугробах хоть пару часов сна. Разбудившим Наталью рокотом был их храп. “Сибиряки!” — объяснил Наталье офицер: только что на защиту Москвы поездом с Дальнего Востока прибыло подкрепление.

В последующие дни сибиряки сотнями гибли в болотистой местности между Николиной Горой и Аксиньино, бок о бок с тысячами других солдат, оборонявших протянувшуюся на 600 километров линию фронта под Москвой. Огромный стол художника, сделанный на заказ для отца Натальи, приспособили в качестве операционного. Но дальше немцы уже не прошли. Наталья Алексеевна вернулась на свою дачу и живет там до сих пор. Как и ее внучка — моя жена. Там была частично написана эта книга. Картины снова вернулись на свои места. И даже яму, которую девушки вырыли на холме, до сих пор видно осенью, когда опадает листва. Старый железный сундук ржавеет за домом.

В тот месяц волна Второй мировой войны отхлынула от Москвы, во многом благодаря тем самым подкреплениям из Сибири. Их могло и не быть там, если бы не старания немецкого шпиона-коммуниста, исполнявшего задание на другом краю света, агента, получившего доступ к самым сокровенным тайнам верховного командования Японии и Германии, но столкнувшегося с недоверием своего руководства в Москве. У победы, разумеется, много творцов. Особенно у такой кровопролитной и судьбоносной, как победа Советского Союза во Второй мировой войне. Но ключевую роль в спасении Советского Союза от катастрофы в 1941 году и дальнейшей победе Сталина в 1945 году сыграла безупречная работа Рихарда Зорге.

Введение

Рихард Зорге был плохим человеком, который стал великим шпионом — одним из величайших в истории. Созданная им в довоенном Токио шпионская сеть лишь на одну ступень отделяла его от высших эшелонов власти Германии, Японии и Советского Союза. Лучший друг, работодатель и невольный информатор Зорге Ойген Отт — посол Германии в Японии — регулярно говорил с Гитлером. Лучший японский агент Зорге Хоцуми Одзакэ входил в состав тесного круга экспертов кабинета министров и регулярно общался с премьер-министром Японии князем Коноэ. Непосредственные начальники Зорге регулярно бывали в кабинете Сталина в Кремле. В Токио советскому разведчику Зорге удалось прожить девять лет, не привлекая на себя подозрений, и это притом что Японию захлестнула истерия шпиономании и полиция неустанно пыталась отследить источник его регулярных зашифрованных радиопередач. Однако ему удалось выкрасть самые сокровенные военные и политические тайны и Германии, и Японии, скрываясь на виду у всех.

Зорге был одновременно и преданным коммунистом, и циничным лжецом. Он считал себя солдатом революции, представителем высшего класса тайных кадров партии, облеченным священной миссией проникать в цитадели империа-

листических врагов СССР. При этом он был доктринером, алкоголиком и ловеласом. Он не мог жить без риска, любил похвастать и часто бывал крайне распушен. После регулярных попок он разбивал автомобили и мотоциклы, напившись, признавался в любви к Сталину и Советскому Союзу при нацистах и беспечно соблазнял жен своих самых ценных агентов и ближайших коллег.

Зорге часто говорил о себе как о романтическом герое, рыцаре-разбойнике из немецкой романтической поэзии. По правде говоря, он был одним из тех одиноких людей, обитающих на окраинах политической пустыни, которым приходится принимать решения в одиночку и нести бремя знаний и мотивов более высокого порядка, нежели окружавшие его заурядные люди. Провозгласив себя борцом за рабочий класс, он был при этом отчаянным снобом-интеллектуалом, чьей родной стихией были казино, бордели и дансинг-холлы межвоенных Токио и Шанхая.

Кроме того, он был профессиональным обманщиком. Как и большинство людей, добившихся высот в его ремесле, Зорге руководил безудержный импульс вводить людей в заблуждение. Ложь была для него одновременно и необходимым навыком, и роковым пристрастием. Большую часть своей жизни Зорге лгал окружающим — многочисленным любовницам и друзьям, коллегам и руководству. Возможно, даже себе самому.

В истории Зорге едва ли не больше всего поражает осознание, что он действовал в мире нестабильных международных альянсов и неограниченных возможностей. Для национальных государств того времени даже базисные положения, ретроспективно представлявшиеся незыблемыми, были в действительности подвижны и гибки. Это касается и таких, казалось бы, очевидных вопросов, как, например, какие страны будут союзниками во Второй мировой войне. На протяжении значительной части карьеры Зорге идеологические противники — Советский Союз и Германия — были тайными

союзниками. В 1920-е годы Германия отправляла тысячи солдат на учения в Белоруссию в рамках тайного соглашения между Москвой и Берлином. В 1939 году Сталин заключил с Гитлером договор о разделе Европы от Прибалтики до Балкан, включавший в том числе Польшу. Одержав победу над общим врагом — Польшей, — советские и нацистские войска устраивали совместные победные марши в Бресте и других оккупированных городах. Еще в феврале 1941 года Гитлер предлагал Сталину примкнуть к державам Оси (готовясь при этом к вторжению в СССР), настаивал на том, что мир должен быть поделен между великими диктатурами эпохи — Германией, Италией, Японией и Советским Союзом. Сталин был настороже, но предложение ему польстило. До ночи 22 июня 1941 года Гитлер и Сталин были союзниками, и советский диктатор, по-видимому, верил в незыблемость этого союза. Более того, мы знаем теперь, чего не знал Рихард Зорге, что с сентября 1940 года Сталин разрабатывал собственный план вторжения в Германию, в литературе он иногда упоминается под условным названием “операция «Гроза»”. Крупные поставки зерна, нефти и стали из СССР в Германию, подпитывавшие военную экономику нацистов в рамках подписанного в 1939 году с Берлином Пакта о ненападении, не мешали советскому диктатору готовиться обмануть Гитлера при первой же возможности.

Роль Японии в мире была еще более нестабильна. В 1931 году, как только группа японских офицеров спровоцировала захват принадлежавшей Китаю Маньчжурии, стало очевидно, что армия Японии нацелилась на экспансию в Азии, — и в дальнейшем эти притязания перевесят недовольство гражданского правительства страны. Однако к СССР Япония относилась весьма неоднозначно. Японские военные упорно продвигали идею вторжения в Советский Союз — в этом случае Сталин не смог бы сопротивляться нацистским войскам, напавшим на Россию в 1941 году. Верхушка японского военно-морского флота столь же непре-

клонно настаивала, что судьба империи неразрывно связана с Югом, захватом рисовых плантаций Индокитая и нефтяных месторождений Голландской Ост-Индии. Таким образом, вопрос существования СССР зависел от сложной подковерной борьбы за власть внутри Генерального штаба Императорской армии Японии в 1941 году. Мог ли Сталин позволить себе перебросить все силы с Дальнего Востока на оборону Москвы? Для этого важно было знать, намерена ли Япония претворить в жизнь свой план вторжения на территорию СССР. И сообщить это мог главный разведчик Советов — Зорге.

Еще в октябре 1941 года, за несколько недель до внезапного нападения японского флота на Перл-Харбор, не было никакой уверенности и в намерении Японии вступать в войну с Америкой. Напротив, премьер-министр Коноэ несколько лет отчаянно пытался заключить с Вашингтоном соглашение, которое позволило бы избежать войны в Тихом океане. Летом 1941 года посол Японии в Соединенных Штатах адмирал Номура был невероятно близок к заключению пакта о ненападении с президентом США Франклином Рузвельтом.

В современном Зорге мире альянсы создавались и рушились — даже между такими естественными врагами, как Гитлер и Сталин, или Сталин и японские милитаристы. Разведывательная работа Зорге самым непосредственным образом сказывалась на судьбах государств и течении войны в целом, что и отличало ее от деятельности большинства шпионов XX века, сопряженной с разоблачением агентов и провалами секретных операций.

Другой удивительный аспект истории Зорге состоит в том, что, в отличие от многих других сюжетов о таинственном шпионском мире, она подкреплена беспрецедентным количеством документов. После ареста японскими властями в октябре 1941 года раскололись все члены агентуры Зорге — за похвальным исключением одного из рядовых его сотрудников, Каваи. Все давали признательные показания, руководствуясь элементарным стремлением остаться в живых. Однако

у каждого участника этой сети были свои мотивы для сотрудничества со следствием. Зорге уже много лет не находил понимания с недооценивавшим его московским руководством и написал в тюрьме пространное признание, хвастаясь в нем своим шпионским мастерством, профессионализмом и принципиальностью. В отличие от Зорге, нам известно, что его руководство в Москве откровенно ему не доверяло, подозревая в двойной игре. Зорге же до самого конца надеялся, что Советский Союз спасет его; поэтому в признаниях не было сказано ничего о его пошатнувшейся вере в коммунизм, о планах бегства и тайном банковском счете в Шанхае — обо всем этом нам стало известно из других источников.

Совершенно иное признание японцы получили от бесменного радиста агентуры Макса Клаузена. Он открыто заявил, что утратил веру в коммунизм, и даже хвастал, что систематически саботировал шпионскую деятельность Зорге, регулярно уничтожая или существенно сокращая полученные от начальника телеграммы. Клаузен, по всей видимости, надеялся на милосердие следствия, и его надежды оправдались. Лучший агент Зорге Хоцуми Одзаки, молодой журналист-романтик, ставший доверенным советником в кабинете министров Японии, стремился доказать, что его государственная измена на самом деле была своеобразным проявлением патриотизма. Одзаки рассказал следствию, что работал ради мира во всем мире и руководствовался интересами своей страны, пытаясь избежать войны между Японией и Россией.

Чем бы ни руководствовались заключенные, их свидетельства стали для японских следователей настоящей сокровищницей подробностей их жизни и шпионской карьеры с начала 1920-х годов. Более того, японская тайная полиция перехватывала и записывала секретные рапорты из Токио в Москву. Несмотря на усердные попытки, японцам не удавалось ни вычислить местоположение передатчика, ни расшифровать сообщения. Однако, едва Клаузен раскрыл книжный шифр, который он использовал для кодирования своих радиogramм, японская

военная разведка смогла почти полностью прочитать секретную переписку Зорге с руководством в Москве. Признательные показания и расшифровки, составляющие два толстых тома, после войны были полностью опубликованы. В дальнейшем в эпоху маккартизма борцы с коммунистами в Соединенных Штатах часто использовали эти материалы в качестве ярчайшего примера того, как советская разведка может проникать в высшие уровни власти.

В огромных томах признаний и расшифровок, собранных японской полицией, а также в ста с лишним книгах, написанных о Зорге после его казни в токийской тюрьме Сугамо в ноябре 1944 года, есть две лакуны. Самое важное упущение — это советская версия событий. Ни одному западному историку не удалось получить доступа к досье Зорге ни в архивах Коминтерна в Москве, ни в архивах советской военной разведки в Подольске, и никто из них не ссылаясь на важные современные труды российских историков, опирающиеся на те части военного архива, которые с 2000 года были закрыты для иностранных ученых. В этой книге впервые рассказывается история головокружительной карьеры Зорге — агента Коминтерна; его опалы во время беспощадных сталинских чисток в рядах этой организации, коснувшихся всех, кроме самых раболепных иностранцев; его вербовки советской военной разведкой; недоверия и паранойи, в результате которых добытые им ценнейшие разведданные отменялись как вражеская дезинформация. Впервые рассказывается и о том, как Зорге предпринимал отчаянные попытки предупредить Сталина о предстоящем вторжении Германии в СССР в июне 1941 года. Его предостережения систематически скрывались высшим руководством РККА из-за смертельного страха противоречить идее фикс Сталина, что Гитлер никогда не пойдет войной против него.

Второй недостающий в японской версии событий элемент — это отражение внутреннего мира Зорге, его сомнений и страхов. Как отметил Джон Ле Карре, шпионы — неве-

роятно ненадежные рассказчики, ведь им снова и снова приходится сочинять о себе новые легенды. Значительную часть своей взрослой жизни Зорге существовал в мире, где над ним постоянно нависала угроза провала и ареста. За одиннадцать лет в Японии он не мог доверить свои тайны никому, кроме непосредственных подчиненных. Даже ближайшие его японские агенты Одзаки и Мияги так и не стали его друзьями.

Как и многие шпионы, Зорге был неумным ловеласом. Шпионский дар неразрывно связан с талантом соблазнителя. По подсчетам американской разведки, во время работы в Токио у Зорге были романы по меньшей мере с тридцатью женщинами. Но даже любовницы Зорге так или иначе становились пешками в его шпионских играх. Одних он завораживал и пугал лихими ночными прогулками на мотоцикле. Других поражал своим самомнением, устраивая дома пляски с самурайским мечом и разражаясь пьяными тирадами о том, как он убьет Гитлера и станет богом. Даже в самые интимные моменты он разыгрывал роль человека более значительного. Он часто сетовал любовницам на одиночество, но ни одной из них не позволял разделить бремя тайн, которые он скрывал. Тем не менее свидетельства женщин, присутствовавших в жизни Зорге, дают ценное представление о том, каким он хотел себя видеть. Советские же архивы приоткрывают завесу над его частной жизнью, проглядывающей в письмах к его русской жене, а также в воспоминаниях и переписке с его московскими друзьями и коллегами.

Писать биографию Зорге — задача необычайно трудная. Большую часть своей жизни он провел в тени, и его выживание напрямую зависело от секретности. При этом он был экстравертом и всегда любил привлекать к себе внимание. После разоблачения, оказавшись в одиночестве в японской тюрьме, Зорге принялся создавать свой идеальный образ для следствия, а возможно, и для потомков. В обширной переписке с Москвой, в письмах жене Кате, в статьях, научных трудах и признаниях он оставил значительные письменные сви-

детельства. Однако, как и многие, казалось бы, общительные люди, свое истинное лицо он тщательно скрывал. Он был человеком с тремя лицами. Первое — светский лев: вызывающе необузданный, душа компании, которого обожали женщины и друзья. Второе лицо он являл своему московскому начальству. А третье — человека высоких идеалов и низменных желаний, погрязшего во лжи, — он не показывал почти никому.

Зорге умел пользоваться обстоятельствами, и это помогало ему на протяжении всей его сумбурной и переменчивой жизни. Он с умопомрачительной легкостью менял окружение, женщин, друзей, переезжал с места на место. Перед его саморазрушительной харизмой не могли устоять ни мужчины, ни женщины. Порой он всецело подчинялся собственным прихотям, настроениям, капризам, часто бывал по-детски эгоистичен. Он словно постоянно примерял неожиданные амплуа, наблюдая за реакцией мира и слегка видоизменяя свой образ в обществе. И, как многие одинокие люди, он хотел быть легендой и отчаянно добивался любви — но на расстоянии. В этом и состоял его парадокс: чем более успешным он становился, тем более невозможным для него становилось быть любимым.

У него было много друзей, но ни одному из них он не мог довериться. Чаще всего по вечерам он кутил на приемах, в барах и ресторанах, умудряясь при этом лгать почти всем из своего широкого круга знакомых и всех использовать. Фантастическое умение располагать к себе окружающих стало ключевым жизненным навыком Зорге. Благодаря обаянию ему удавалось оставаться в живых. Когда для наблюдения за Зорге в Токио командировали полковника СС Йозефа Мейзингера, известного как Варшавский мясник, разведчик повел его по злачным заведениям Гиндзы, в один момент превратив злейшего врага в своего собутыльника.

К тому же Зорге был смелым человеком. Фотографировал ли он тайком секретные документы, улучив несколько минут в кабинете германского посла, лежал ли в больнице с тя-

желейшими травмами, попав в пьяном виде в аварию на мотоцикле и стараясь при этом изо всех сил оставаться в сознании, пока не придет друг и не заберет у него из кармана компрометирующие документы, Зорге сохранял почти сверхъестественное спокойствие. Он всегда считал себя солдатом, с тех пор как в Первую мировую войну еще юношей служил в армии кайзера и до последних минут жизни на эшафоте, где он встал по стойке смирно и выкрикнул последние слова во славу Красной армии и советской компартии. Несмотря на пьяные загулы, он всегда вел невероятно активную жизнь: рано вставал, каждый день по несколько часов писал, читал и занимался разведработой. Даже в пьяном состоянии или в безвыходном положении он оставался агентом и профессионалом. В некотором отношении он был даже джентльменом. В тюрьме он отказывался говорить о своих женщинах и ни разу не упомянул в разговорах со следователями своей постоянной японской любовницы. Допрашивавший Зорге следователь назвал его “величайшим человеком, которого мне довелось встретить в своей жизни”.

Зорге можно было бы в определенном смысле назвать интеллектуалом. Во всяком случае, он безусловно обладал недюжинным умом и знал свое дело. В тюремных записках он отмечал, что в мирное время стал бы ученым. Он жил словно герой спектакля одного актера, и его реальные зрители ничего не знали об аудитории, которой на самом деле предназначалось зрелище, — почти всегда недостижимым кураторам из 4-го Управления штаба РККА. Трагедия Зорге состояла в том, что на пике его карьеры начальство усомнилось в его вере в коммунизм, посчитав его предателем, а он, к счастью, так и не узнал, что предоставленные им уникальные разведданные часто оставались без внимания.

Последнее слово, перед тем как мы приступим к рассказу о необычайной жизни Зорге, принадлежит Джону Ле Карре, написавшему замечательную рецензию на первую книгу о деле Зорге в Великобритании, опубликованную в 1966 году¹.